

О ЗНАКАХ НА СРЕДНЕАЗИАТСКИХ СТАТУЭТКАХ ЭПОХИ БРОНЗЫ

В археологической и исторической литературе неоднократно, порой с большой страстью, обсуждался вопрос о знаках, встречающихся на предметах материальной культуры в дописьменную эпоху. Необходимо подчеркнуть, что материалы, свидетельствующие о наличии таких знаков, становятся особенно многочисленными на поздних этапах развития первобытнообщинной формации. Достаточно упомянуть знаки на керамике восточноевропейских степных культур эпохи бронзы¹ или знаки на расписной керамике Яншао, близость которых иньской письменности в ряде случаев выступает достаточно отчетливо. Относительно хорезмийских петроглифов этот вопрос ставил С. П. Толстов². Новые данные о подобных знаках эпохи бронзы получены недавно в ходе раскопок южнотуркменских памятников конца III — начала II тыс. до н. э. (время Намазга V по существующей периодизации). В это время на юге Туркменистана существовала высокоразвитая оседлая культура, близкая по облику городским цивилизациям древнего Востока³. В процессе систематизации полученных здесь материалов удалось установить, что на терракотовых женских статуэтках встречаются нацарапанные и нарезные знаки, повторяющиеся с известной закономерностью. Статуэтки с подобными знаками были обнаружены на двух памятниках — Алтын-депе⁴ и Хапуз-депе⁵.

Древние скульпторы, выделывая глиняные фигурки, особое внимание обращали на тщательную отработку деталей, связанных с прической, головным убором и различными украшениями. Но особенно примечательно то обстоятельство, что разнообразные изображения и символы помещались также на туловище. Их анализ ясно показывает, что древние мастера воспроизводили чрезвычайно сложный образ, порожденный целой системой религиозных представлений и магических обрядов.

Таково прежде всего изображение какого-то растения, условно именуемого нами деревом. Нацарапанное по сырой глине, оно передано предельно простым образом: прямой ствол, проходящий посередине тулова и веером расходящийся от него ветки (рис. 1). Это изображение встречается не на всех фигурках, а там, где оно имеется, характер изображений далеко не одинаков. Чаще всего оно помещено спереди в виде узкой веточки, поднимающейся от чресел до груди, иногда ветви подняты вверх, иногда, как у елочки, опущены вниз (рис. 1). Для первого варианта известен случай, когда мастер не провел центральной линии, изображающей ствол, оставив, таким образом, лишь колонку расходящихся насечек, устремленных вверх. Вместе с тем известен ряд образцов, где воспроизведены широкие деревья, куца которых, непомерно разрастаясь, охватывает все туловище, сплошь заполненное параллельными рядами косых насечек (рис. 1). Иногда для завершения монотонной ритмики этой композиции у основания дерева в оставшемся свободном пространстве помещаются два треугольника. В этом случае мы встречаем те же варианты, что и для узкого дерева: ветви вверх, ветви вниз и отсутствие центрального ствола. Придавая особое значение этим символам растительности, мастера иногда помещали рядом даже два изображения дерева, как это мы видим на одной фигурке, происходящей с Намазга-депе. К числу редких композиций принадлежит и узкое дерево с помещенной рядом схематической фигуркой какого-то животного. Имеются также статуэтки, на которых изображение ветвей

¹ А. А. Формозов, Сосуды срубной культуры с загадочными знаками, ВДИ, 1953, № 1; он же, Сосуды со знаками эпохи энеолита и бронзы и история письменности, ВДИ, 1963, № 2.

² С. П. Толстов, Древний Хорезм, М., 1948, стр. 71—76.

³ Сб. «Средняя Азия в эпоху камня и бронзы», М.—Л., 1966, стр. 158—168; В. М. Массон, Протогородская цивилизация юга Средней Азии, СА, 1967, № 3.

⁴ В. М. Массон, Раскопки на Алтын-депе, «Археологические открытия, 1965 г.», М., 1966.

⁵ В. И. Сараниди, Хапуз-депе как памятник эпохи бронзы, КСИА, 98, 1964.

Рис. 1. Терракотовые статуэтки со знаками с Алтын-депе

у центрального ствола предельно невелико. Иногда это просто поперечные горизонтальные черточки или два вертикальных ряда точек, идущих по обе стороны прямого стебля (колос?). Различные варианты деревьев, как узких, так и широких, встречаются и на спине статуэток, хотя значительно реже, чем на передней части. Перед нами сложная аграрная символика, когда тесная связь глиняных фигурок с символами растительности подчеркивается и непомерным увеличением и двукратным повторением этих символов. Труднее объяснить одну вертикальную линию, рассекающую спереди туловище на две части от бедер до шеи, как это мы нередко видим на статуэтках, найденных на Намазга-депе.

Но совершенно особый интерес представляют знаки, нередко встречающиеся на туловище глиняных статуэток (рис. 1 и 2). Обычно они наносились по сырой глине острым металлическим орудием, комбинация насечек образовывала соответствующий символ. Все знаки достаточно отчетливо могут быть отнесены к шести различным группам (рис. 3).

К первой из них относятся треугольнички с ресничками. Обычно поперечные черточки — реснички — не пересекают линий, ограничивающих основную фигуру, но

Рис. 2. Знаки на терракотовых статуэтках с Алтын-депе

иногда такое пересечение имеет место. Различаются знаки этой группы и по характеру наверхшия. Иногда это просто вертикальная линия, иногда крест, иногда молотообразное наверхшие. Последнее в одном случае имеет у основания две линии, расходящиеся в стороны. Обычно знаки помещены на лицевой стороне фигурки по обе стороны от грудей на расставленных руках. Вместе с тем древние скульпторы, очевидно, придавая этим знакам особое значение, помещали их, подобно символу растительности и на тыльной (непарадной) стороне статуэток. Здесь соответствующий символ чаще всего изображался на бедрах, но иногда он помещен также и на руках. Видимо, многократное его повторение должно было подчеркнуть тесную связь статуэтки с соответствующим символом. Вместе с тем интересно отметить разницу в знаках, нанесенных на тыльной и лицевой сторонах единственной полностью целой фигурки с символами этого типа. Здесь треугольники с ресничками, помещенные на плечах, вообще лишены наверхшия, в то время как на тыльной стороне этот же знак не только изображен в зеркальном удвоении, подчеркивая принцип множественности, но и имеет достаточно сложное наверхшие. Возможно, правда, мастер считал, что для такого сложного завершения недостаточно места на узких отрезках рук. Вместе с тем нанесение наиболее полного символа на тыльной стороне фигурки подчеркивает именно его особую смысловую значимость, не обязательно связанную со зрительным восприятием при первоначальном рассмотрении статуэтки. Этот знак — треугольник с ресничками — был особенно популярен на Алтын-депе, где он встречен на семи фигурках.

Место знаков	А л т ы н - д е п е							С т а т у э т к и				Х а п у з - д е п е				
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
печи																
спиды и печи																
спиды																
печи																
печи																
печи																

Рис. 3. Сводная таблица знаков, встречающихся на терракотовых статуэтках Алтын-депе и Хапуз-депе

Не менее широко был распространен на Алтын-депе и другой знак — восьмилучевая звезда, объединяемая нами в одну группу с изображением креста (рис. 3). На одной из статуэток одновременно нанесены и крест и звезда, а кроме того, сами изображения звезды, наносимые с разной степенью небрежности, образуют как бы переходный ряд к рисунку звезды. Отметим, что крест, как правило, имеет на концах поперечные черточки, входя иногда в таком виде составным элементом в изображение восьмилучевой звезды. Размещение знака звезды на статуэтках повторяет особенности, характерные для треугольника с ресничками. Обычно он изображался спереди на расставленных в стороны руках и на спине, где давался нередко в многократном повторении. Примечательна в этом отношении целая фигурка, у которой на спине этот знак повторен четырьмя, а спереди не нанесен вовсе, что лишний раз подчеркивает именно семантическое, а не декоративное значение подобных символов. Выделяется одна фигурка, у которой спереди помещен крест, превращенный дополнительными насечками в восьмилучевую звезду, на спине — просто крест и такие же фигуры сбоку на покатых плечах. Всего знаки этой группы известны на семи статуэтках.

Символы третьей группы известны по трем фигуркам, найденным на Алтын-депе, и по двум статуэткам, происходящим с Хапуз-депе (рис. 3). В эту группу мы объединяем знаки, в состав которых входит вертикальная черточка обычно с поперечными сверху и снизу. От этой черточки в одну сторону отходят линии числом от трех до пяти. Различно и положение линий — иногда они все параллельны друг другу, в других случаях две боковых расходятся в стороны под углом, напоминая одно из наветренных (молоткообразное) треугольника с ресничками. Казалось бы, такое различие заставляет говорить не об одной, а о двух группах знаков, но на дной статуэтке знаки обоих видов нанесены вместе — один на правом плече, другой на левом. Следует отметить, что на наиболее тщательно сделанной фигурке этой группы у знака второй разновидности все линии имеют на концах поперечные черточки. Расположение всех этих символов повторяется с поразительным единообразием — все они помещены спереди на руках и из известных нам статуэток ни одного нет на тыльной стороне.

Такое же расположение характерно и для знаков четвертой группы (рис. 3), имеющих на статуэтках, происходящих как с Алтын-депе (три экземпляра), так и с Хапуз-депе (также три образца). В наиболее четком виде этот знак представляет собой тот же символ растительности — ствол с отходящими от него ветвями, что и изображения, наносившиеся на туловище статуэток. Однако его положение на плечах расставленных в стороны рук заставляет отнести его в категорию специальных знаков. Следует отметить, что нередко данный символ нанесен небрежно, иногда (как это отмечено выше и при описании тулова фигурок) линия центрального ствола не изображается вовсе, а сам знак превращается в серию косых насечек, объединенных лишь направлением: все они расходятся от груди к наружному краю фигурки.

Две последние группы знаков опять возвращают нас к материалам Алтын-депе — на статуэтках других памятников они пока не известны. Так, в состав пятой группы (рис. 3) включены знаки зигзага, в большинстве иероглифических письменностей являющихся символом воды. Лишь на одной фигурке наших собраний имеется зигзаг в виде одной сплошной линии — на других он представлен двойной линией и имеет вид парных углов вершиной вверх. Видимо, упрощенной модификацией этого же символа являются двойные углы вершиной вниз. Этот символ отмечен всего на пяти статуэтках.

Наиболее редко встречаются знаки последней, шестой группы (рис. 3) — они имеются лишь на трех фигурах. Это простые насечки, обычно вертикальные и лишь в одном случае слегка наклоненные, хотя на второй руке той же статуэтки они опять расположены вертикально. На двух статуэтках их число строго ограничено — по семь на каждой руке, но на третьей фигурке, где полностью сохранилась лишь одна рука, их уже одиннадцать.

Если исходить из того, что помещение какого-либо символа на плечах фигурки свидетельствует об его особом значении, то к числу статуэток со знаками можно было бы отнести еще один образец с Алтын-депе. Здесь самый край плеча покрыт серией

мелких отверстий, однако в расположении их не заметно какой-либо системы; происхождение этих отверстий может быть связано с обрядовыми действиями.

Казалось бы, стоит ли придавать большую роль значкам, нередко насуп и небрежно нанесенным мастером; тем не менее есть основания полагать, что именно эти символы не только указывают на ритуальное значение фигурок глиняных женщин, но и позволяют подойти к более углубленному пониманию религиозных верований и представлений, скрывающихся за этим безмолвным пантеоном. В археологии древнего мира известны случаи, когда глиняные идолы покрывались магическими узорами и символами. В этом отношении одной из наиболее близких аналогий нашим статуэткам являются фигурки из Арпачини в Северной Месопотамии и Тали-Бакуна в Южном Иране. В первом из памятников, относящихся к так называемой халафской культуре (V тыс. до н. э.), известна фигурка с изображением креста с поперечными черточками на концах, нанесенным на плечо статуэтки⁶. Некоторые исследователи полагают, что это отражение реально существовавшей татуировки⁷, но во всяком случае достаточно характерно, что этот же символ часто встречается как в росписи на посуде, так и на амулетах-печатах из халафских поселений. Более примечательна коллекция статуэток со знаками из южноиранского поселения Тали-Бакун⁸. Здесь на плечах статуэток помещены сделанные краской изображения свастики, как вполне отчетливые, так и орнаментализированные. На одной из фигурок тот же знак несомненно повторен на спине. Недавно на одном из энеолитических поселений Юго-Западного Ирана была обнаружена женская статуэтка, на плечах у которой краской нанесены два небольших креста⁹. Э. Херцфельд настолько был уверен в том, что эти знаки отражают реальную татуировку, что на основании подобных фигурок сделал вывод о распространении татуировки или раскрашивания тела у населения Ирана этого времени¹⁰. Другие исследователи считали более вероятным символическое значение росписи на статуэтках¹¹. Даже если изображение свастики наносили, как это думает Э. Херцфельд, и на живых людей, это не исключает особого значения именно этого знака, возможно, бывшего своеобразным символом тали-бакунского племени или тали-бакунской группы племен.

Нетрудно заметить, что если на энеолитической скульптуре знаки редки и однообразны, то для статуэток эпохи бронзы их наличие приобретает характер закономерности, а сами знаки представлены обильным числом типов и вариантов. Есть ли какая-либо возможность попытаться проникнуть в содержание этих символов, с такой настойчивостью изображавшихся древними скульпторами? По своему внешнему виду эти знаки близко напоминают знаки архаической письменности. Поэтому весьма важно было бы их сравнить с древними письменностями соседних стран, а также попытаться найти соответствующие истоки в местной символике поры энеолита. Остановимся сначала на первом вопросе.

Известно, что в тех странах, где в пору неолита и энеолита существовала расписная керамика с ее богатой, сложной, а нередко и вычурной орнаментикой, целый ряд знаков ранней письменности может быть возведен к символике пиктографических схем, бытующих в росписи глиняной посуды. Для материалов Элама этот вопрос вполне обоснованно поставлен Э. Херцфельдом, раскрывшим пиктографический характер некоторых композиций на расписной керамике типа Сузы А¹². Здесь, например, тройная ломаная линия, встречающаяся в шумерской и эламской письменности, где она означает воду — канал — реку, заключена в прямоугольную рамку вместе с изображен-

⁶ E. Herzfeld, *Iran in the Ancient East*, L. — N. Y., 1941, стр. 17, рис. 11 b.

⁷ A. L. Perkins, *The Comparative Archeology of Early Mesopotamia*, SAOC, № 25, Chicago, 1957, стр. 32.

⁸ Herzfeld, *Iran in the Ancient East*, табл. 11; A. Langsdorff, D. E. McCown, *Talli-i-Bakun A, Season of 1932*, OYP, v. LIX, Chicago, 1942, стр. 64—65, табл. 6—7.

⁹ C. Goff, *Excavations at Tall-i-Nokhodi, «Iran»*, I, 1963, стр. 49, рис. 7, 8.

¹⁰ Herzfeld, *Iran in the Ancient East*, стр. 16 и 18.

¹¹ Langsdorff, McCown, *Talli-i-Bakun A...*, стр. 64.

¹² Herzfeld, *Iran in the Ancient East*, стр. 43—44, 62, 65—66.

Знаки на статуэтках Намазга V					
Намазга IV					
Намазга III					
Намазга II					
Намазга I					
Джеситун					

Рис. 4. Сводная таблица знаков, встречающихся на предметах материальной культуры и статуэтках в эпохи неолита, энеолита и бронзы

ем растений. По вполне убедительному толкованию Э. Херцфельда, перед нами — вода, текущая в огражденном пространстве, скорее всего, саду. К сожалению, изучение семантики расписной керамики Южного Туркменистана еще только начато, и успехи в этой сложной и ответственной области сравнительно невелики¹³. Попытаемся кратко рассмотреть возможный генезис выделяемых группы знаков на основе символов, распространенных в Южном Туркменистане (рис. 4).

Наиболее затруднительно положение с первыми тремя группами знаков. Треугольник с ресничками — этот характернейший символ мелкой пластики Алтып-депе — почти не находит себе аналогий. Для поры энеолита можно указать лишь единственную возможную параллель — треугольник с углублением посередине и спускающейся вниз бахромой, помещенный в нижней части живота одной из женских статуэток, найденных на Ялангач-депе¹⁴. Возможно, при этом имелась в виду реалистическая передача лобка, но подобная манера не привилась, и все фигурки последующего времени имеют на месте лобка просто треугольник — налепной или сплошь залитый краской.

Лишь немного более результативными оказываются поиски местных традиций для знаков второй группы. Символ звезды, тем более восьмилучевой, вообще не характерен для росписи южнотуркменистанской керамики. Здесь был распространен солярный символ в виде круга или двойного круга, сохраняющийся, кстати, в эпоху бронзы на металлических печатях. На посуде развитого энеолита солярный круг нередко

¹³ В. М. М а с с о н. Средняя Азия и древний Восток, М. — Л., 1964, стр. 351—364; ¹⁴ И. М. Х л о п и н, Геоксюрская группа поселений эпохи энеолита, М. — Л., 1964, стр. 160, рис. 55, 9.

приобретает зубцы, но число их непостоянно и нередко достигает полутора десятков¹⁵. Наоборот, крест, иногда встречающийся в сочетании с восьмилучевой звездой, — один из наиболее распространенных символов южнотуркменистанских племен¹⁶. Весьма интересен вариант знака восьмилучевой звезды с входящим в его состав крестом с поперечными черточками на концах. Этот вариант явился результатом развития символа креста, превращающегося в пору позднего энеолита в восьмиконечную фигуру и иногда имеющего поперечные черточки на концах¹⁷. Вполне возможно, что дальнейшая эволюция этого символа, когда основная фигура креста изображалась с расширениями на конце¹⁸, и дала рассматриваемый вариант.

Наиболее минимальные результаты дают поиски аналогий знакам третьей группы — в местной, южнотуркменистанской среде таких аналогий не обнаруживается вовсе.

Зато в отношении трех других групп соответствующие изыскания позволяют прийти к более обнадеживающим выводам относительно наличия местных корней и традиций соответствующей символики. Более того, оказывается, что подобные знаки встречаются не только на глиняных горшках, но и на женских статуэтках, что представляет для нашей темы первостепенный интерес. Выше уже отмечалось, что энеолитические корошпасты нередко украшали статуэтки с помощью кисти, подобно тому как их братья по ремеслу делали то же самое в эпоху бронзы, используя, однако, уже скальпель или заостренную палочку.

Как мы видели, четвертую группу знаков составляют различные варианты изображения растения ветвями вверх, если считать от груди к плечам. Мотив дерева или ветки с ветвями, обращенными вверх, зарождается еще в пору неолита¹⁹ и сравнительно широко распространен в росписи керамики раннего энеолита (Намазга I)²⁰. В одном случае мы, возможно, даже имеем дело с шиктограммой, изображающей дерево, растущее среди гор²¹. Г. Н. Лисицына высказала вполне вероятное предположение, что подобные рисунки подразумевают дерево хвойной породы, скорее всего арчу²². Для времени развитого энеолита (Намазга II) изображения дерева известны лишь для памятников Геоксюрского оазиса, где они зато встречаются в двух вариантах. Во-первых, это дерево с традиционно поднятыми вверх ветвями, с которых свисает вниз хвоя или листва²³. Вместе с тем имеется и другой, новый вариант, подразумевающий, видимо, листовенную растительность²⁴. К этому же времени относятся и изображения серпи углов — как бы дерева без центрального столба (такой вариант есть, кстати, и среди наших знаков) и на бедрах женских статуэток — двух из Геоксюрского оазиса²⁵ и одной с Намазга-депе²⁶. В двух случаях эти «ветви» обращены вверх и в одном вниз.

¹⁵ В. М. М а с с о н, Памятники развитого энеолита юго-западной Туркмении, САИ, Б 3—8, ч. II, М.—Л., 1962, стр. 170, рис. 10, 11; он же, Расписная керамика южной Туркмении по раскопкам Б. А. Руфтина, ТЮТАКЭ, т. VII, Ашхабад, 1956, табл. XXIII, 3.

¹⁶ И. Н. Х л о п и н, Изображение креста в древнеземледельческих культурах Южной Туркмении, КСИА, 91, 1962.

¹⁷ М а с с о н, Памятники развитого энеолита..., стр. 170, рис. 10 и 15.

¹⁸ Для позднего энеолита: В. М. М а с с о н, Кара-депе у Артыка, ТЮТАКЭ, X, Ашхабад, 1960 (1961), табл. XXVII, 10; для ранней бронзы: А. Я. Щ е т е н к о, Расписная керамика эпохи бронзы из Намазга-депе, КСИА, 98, 1964, стр. 58, рис. 14 и 19.

¹⁹ О. К. Б е р д ы е в, Чагылы-депе, новый памятник неолитической джейтунской культуры, в кн. «Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана», М., 1966, рис. 7, 1.

²⁰ И. Н. Х л о п и н, Памятники раннего энеолита южной Туркмении, САИ, Б 3—8, ч. I, М.—Л., 1960, табл. V, 22; XVI, 40—41; XX, 12, 15.

²¹ М а с с о н, Кара-депе у Артыка..., табл. I, 9.

²² Г. Н. Л и с и ц ы н а, Орошаемое земледелие эпохи энеолита на юге Туркмении, М., 1965, стр. 82.

²³ М а с с о н, Памятники развитого энеолита..., табл. XVIII, 20, 25.

²⁴ Там же, табл. XVIII, 4, 12.

²⁵ Х л о п и н, Геоксюрская группа..., стр. 106, рис. 45; стр. 160, рис. 55, 9.

²⁶ М а с с о н, Памятники развитого энеолита..., табл. X, 5.

Столь же длительную традицию обнаруживают и знаки пятой группы — водышей в Туркмении керамики Джейтуна (VI тыс. до н. э.), где она так и названа исследователями струйчатой²⁷. Уже здесь отмечается использование композиции элементне волнистыми, а представленными в виде параллельных зигзагов²⁹. Эти зигзаги процарапаны и на пряслице времени Намазга I³⁰. В росписи на керамике времени Намазга II мы находим и просто зигзаг, идущий среди треугольников³¹, — мотив «реки среди гор», если следовать толкованию Э. Херцфельда, и строенные волнистые линии³². Но особое значение придавалось именно ломаным линиям, или зигзагам, на или счетверенный зигзаг³⁴. В это же время этот мотив попадает в виде двойного и на бедра статуэтки³⁵. Это обстоятельство имеет для нашей темы первостепенное значение. Женские статуэтки с нарисованным на бедрах краской двойным зигзагом мы находим на двух памятниках позднего энеолита — Кара-депе на западе³⁶ и Чонг-депе на востоке³⁷. Отметим, что именно двойная, а не счетверенная, как в раннем энеолите, ломаная линия помещается и на пряслицах³⁸. Наконец, ко времени Намазга IV относится уже ошпанная выше массивная фигурка, у которой мотив процарапанной строенной ломаной линии дан на бедрах в троекратно повторении. Безусловно, перед нами крайне стойкая традиция символики, восходящая, возможно, еще к поре раннего энеолита³⁹.

Несколько неожиданно стойкую местную традицию обнаруживают и знаки шестой группы — вертикальные линии числом семь или десять. Подобные линии, заключенные в рамку, встречаются спорадически на посуде развитого⁴⁰ и позднего⁴¹ энеолита. В пору позднего энеолита широкое распространение получают и статуэтки с подобными символами.

Таким образом, поиски местных корней знаков, встречаемых на наших статуэтках, в одних случаях дают вполне обнадеживающие результаты, тогда как в других при настоящем уровне знаний ответ может быть только отрицательным.

Обратимся теперь к архаическим письменностям соседних стран, возможные контакты с которыми имеют для южнотуркменистанских племен реальную историческую и территориальную основу (рис. 5). В их числе прежде всего следует назвать раннешумерскую письменность последней трети IV тыс. до н. э. — начала III тыс. до н. э., в расшифровке которой достигнуты наибольшие результаты⁴². Первая группа наших знаков — треугольники с ресничками — не находит здесь никаких аналогий. На-

²⁷ В. М. Массон, Джейтунская культура, ТЮТАКЭ, X, табл. XX, 2—5, 6, 7, 8, 11, 16, 17, 19 и 21.

²⁸ Там же, табл. XVII, 2.

²⁹ Хлопин, Памятники раннего энеолита..., табл. III, 8.

³⁰ Там же, табл. XXII, 14.

³¹ Массон, Памятники развитого энеолита..., табл. XIII, 5, 12; XIV, 8.

³² Там же, XIII, 23; XIV, 9.

³³ Там же, XII, 31; XIV, 10.

³⁴ Там же, XIII, 26.

³⁵ Там же, X, 7.

³⁶ Б. А. Куфтин, Полевой отчет о работе XIV отряда ЮТАКЭ по изучению культуры первобытно-общинных оседлоземледельческих поселений эпохи меди и бронзы в 1952 г., ТЮТАКЭ, VII, 1956, стр. 284, рис. 34.

³⁷ В. И. Сараниди, Памятники позднего энеолита Юго-Восточной Туркмении. М., 1965, табл. XXII, 10;

³⁸ Там же, XXV, 9.

³⁹ Ср. двойной зигзаг на бедрах статуэтки с Кара-депе — Массон, Кара-депе у Артыка..., стр. 325, рис. 4; у И. Н. Хлопина роспись изображена неточно — Хлопин, Памятники раннего энеолита..., табл. XXIII, 1.

⁴⁰ Массон, Памятники развитого энеолита..., XIV, 31—32.

⁴¹ Сараниди, Памятники позднего энеолита..., VI, 29.

⁴² A. Falkenstein, Archaische Texte aus Uruk. Ausgrabungen der Deutschen Forschungsgemeinschaft in Uruk-Warka, 2, Lpz, 1936; A. A. Вайман, Расшифровке шумерского рисуночного письма, СГЭ, XXVII, 1966.

оборот, основной знак второй группы — восьмилучевая звезда — широко распространена⁴³; он переходит затем в клинописную систему III тыс. до н. э. со значением ап «небо», dingir «бог»⁴⁴. Его иконография, видимо, связана с изображением звезды, и в архаических текстах он встречается рядом с символом богини Инанны — богини планеты Венеры. Позднее этот знак с чтением MUL «звезда» встречается также перед собственными именами звезд⁴⁵. Сравнительно близкую параллель находит и один из вариантов знаков второй группы⁴⁶. По мнению А. А. Ваймана, соответствующий

знак () является специальным термином для обозначения одной из категорий мелкого рогатого скота, который служил уточнением термина, передававшегося знаком ⁴⁷. В клинописной системе III

тыс. до н. э. этот знак не получил своего развития. Знаки, сходные со знаками нашей четвертой группы, широко представлены как в архаической письменности⁴⁸, так и в позднейшей клинописи со значением se «зерно»⁴⁹. Знаки пятой группы могут найти аналогии в обозначении «воды — канала», передаваемых в архаических текстах двойной волнистой линией⁵⁰, а позднее двойной изломанной линией⁵¹.

Другая древневосточная система письма — эламская, территориально более близкая нашим памятникам, но дешифровка ее далеко отстает от успехов шумерологии (рис. 5). Древнейшая письменность Элама, именуемая то пиктографической⁵²,

⁴³ Falkenstein, Archaische Texte..., № 192.

⁴⁴ R. Labat, Manuel d'épigraphie Akkadienne, P., 1952, № 13. При использовании текстов Урука IV—III авторы неизменно пользовались любезной консультацией А. А. Ваймана.

⁴⁵ Labat, Manuel..., № 129.

⁴⁶ Falkenstein, Archaische Texte..., № 555.

⁴⁷ Там же, № 322a.

⁴⁸ Там же, № 111.

⁴⁹ Labat, Manuel..., № 367.

⁵⁰ Falkenstein, Archaische Texte..., № 841.

⁵¹ Labat, Manuel..., № 579.

⁵² Ю. Б. Юсифов, Элам. Социально-экономическая история, Автореф. дисс., Баку, 1965, стр. 13.

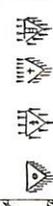
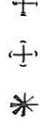
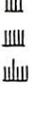
Группа	I	II	III	IV	V	VI	
Южно-туркменские знаки							
Протоэламская письменность							
Раннешумерская письменность							
Харарская письменность							

Рис. 5. Таблица сопоставления южнотуркменских знаков со знаками архаической письменности стран древнего Востока

то неоглифической⁵³, весьма близка к раннешумерской системе письма и скорее всего принадлежит к форме письма, именуемой И. М. Дьяконовым идеографической и еще не передающей звуковой формы слова⁵⁴. Тексты этой письменности, которую вслед за французскими исследователями удобнее всего именовать протоэламской, публиковались В. Шейлем с приложением каждый раз списка встречающихся в них знаков⁵⁵. Наиболее полный каталог этих знаков опубликован Р. Меккенемом⁵⁶. Аналогичные знаки имеются и на эламских печатях⁵⁷. Хотя и высказывалось мнение о происхождении раннешумерского и протоэламского письма от какого-то общего источника⁵⁸, более вероятно шумерское воздействие на Элам, что, учитывая первые находки протоэламских табличек в слое Сузы «С»⁵⁹, находит и хронологическое подтверждение. Именно в протоэламской письменности мы находим наиболее близкие параллели нашим знакам, а хронологический разрыв в данном случае не превышает (для наиболее поздних протоэламских документов) одного-двух столетий.

Уже первая группа знаков на статуэтках имеет определенные аналогии в протоэламской письменности. Это треугольники с ресничками или, по выражению В. Шейля, мохнатые треугольники. В каталоге Р. Меккена насчитывается до 60 разновидностей этого знака⁶⁰, встречается он и в эламской глиптике⁶¹, где, кстати, многократно повторен в рисунке цилиндра. От знаков на наших статуэтках он отличается тем, что в Эламе это обычно полный треугольник, тогда как на алтыновских статуэтках линия основания не прочерчивается. Однако на фрагменте терракотовой плитки, найденной на Алтын-деше и несущей изображение шести знаков, в центре помещен знак, по-видимому, представляющий собой именно такой полный треугольник с ресничками. Как и для большинства знаков протоэламской письменности, значение «мохнатого треугольника» не выяснено. В. Шейль предполагал, что это голова бизона и признак власти⁶². Внутри треугольника обычно помещаются дополнительные элементы — дерево (именно этот вариант представлен на печатях), крест, точка, треугольник, четырехлепестковая розетка и знак , имеющий в раннешумерских текстах значение *туг* «носящий одежду», правитель — главный жрец.

Распространен в протоэламской письменности и знак восьмилучевой звезды⁶³, который еще первые исследователи закономерно сопоставляли с аккадским «небо-бог»⁶⁴. Интересно отметить, что именно в протоэламской письменности мы находим знак креста с поперечными черточками на концах⁶⁵, подобно тому как мы это видим на некоторых из наших статуэток.

Особенно яркими выглядят аналогии нашим знакам третьей группы. В протоэламской письменности мы находим не только знаки в виде черты с отходящими от нее поперечными черточками⁶⁶, но и другую разновидность знаков, нигде больше не

⁵³ Ю. Б. Ю с и ф о в, Эламские хозяйственные документы из Суз, ВДИ, 1963, № 2, стр. 205.

⁵⁴ И. М. Дьяконов, О письменности. Предисловие к кн.: Д. Д и р и н г е р, Алфавит, М., 1963, стр. 8.

⁵⁵ V. S c h e i l, Documents archaïques en écriture protoélamite («Délégation en Perse, Mémoires», VI), P., 1905.

⁵⁶ R. de M e s s e n e m, Epigraphie protoélamite («Mémoires de la mission archéologique en Iran», XXXI), P., 1949.

⁵⁷ L. L e g r a i n, Empreintes de cachets élamites («Mémoires de la Mission archéologique de Perse», XVI), P., 1921.

⁵⁸ Д и р и н г е р, Алфавит, стр. 75.

⁵⁹ L. L e G r e t o n, The Early Periods at Suse, «Iraq», XIX, 1957, стр. 97 и 104.

⁶⁰ De M e s s e n e m, Epigraphie protoélamite..., №№ 1836—1896.

⁶¹ L e g r a i n, Empreintes de cachets..., табл. XVII, 266 и 268; XXIII, 330.

⁶² De M e s s e n e m, Epigraphie protoélamite..., стр. 78.

⁶³ Там же, № 399—404.

⁶⁴ S c h e i l, Documents archaïques..., стр. 86, № 97.

⁶⁵ De M e s s e n e m, Epigraphie protoélamite..., № 592, 594.

⁶⁶ Там же, № 1725; V. S c h e i l, Textes de comptabilité protoélamites, «Mémoires de la mission archéologique de Perse», XXVI, P., 1925, №№ 1073—1075.

	Место знаков	Алтын-дөпе			Улуг-дөпе			Тойчана-дөпе		
I	спина	 295	 300	 279						
II	плечи					 342	 343	 364	 365	
	спина	 277	 245							
III	плечи	 247		 316						
	спина	 247	 327							
IV	плечи	 286	 276, 281	 283						
V	плечи спины	 287	 246	 293						
	плечи спины		 246							
VI		 280	 285							

Рис. 6. Знаки на статуэтках, найденных в полевой сезон 1967 г.

имеющих параллелей⁶⁷. При этом совершенно ясно, что поперечные черточки, имеющиеся на концах алтынских знаков, подражают внешнему виду протоэламских знаков, наносившихся при помощи клинышков и поэтому расширяющихся на концах⁶⁸.

Имеются в протоэламской письменности и знаки, сходные с нашими знаками четвертой и пятой групп. Это — зигзаг и различные его варианты⁶⁹ с наиболее вероятным значением двойного зигзага, как и в шумерском — ров, канава⁷⁰. Наконец, в протоэламских документах нередко представлен и знак растительности ветвями вверх⁷¹ или вниз и различные его производные. Этот знак чаще всего встречается не отдельно, а в различных сочетаниях, в том числе, как мы уже отмечали, с «мохнатым треугольником».

Наконец, имеется еще третья система письменности, среди знаков которой, казалось бы, возможно искать аналогии символам южнотуркменистанских терракот. Это древнеиндийское письмо, письменность городской цивилизации Хараппы (рис. 5). Время ее существования — последняя треть III — начало II тыс. до н. э. — то же, что и предполагаемая датировка наших статуэток, тесные связи Южного Туркменистана и хараппской культуры неоднократно отмечались в литературе: на Алтын-дөпе имеются даже вещи, привезенные из городов долины Инда. Наконец, известны случаи, когда племена, проживавшие на северной периферии древнеиндийской цивилизации, наносили на глиняную посуду метки, во многом аналогичные знакам хараппской письменности⁷². Казалось бы, имеются все основания ожидать возможные влияния и связи в области символической, уходящие из Южного Туркменистана далеко на юго-восток. Однако оказывается, что число убедительных параллелей на имеющемся материале весьма невелико.

⁶⁷ De Mesquien, *Epigraphie protoélamite...*, № 395—396.

⁶⁸ См. публикацию документа со знаком № 395 — Scheil, *Documents archaïques...*, табл. 15, 256; № 396 — De Mesquien, *Epigraphie protoélamite...*, табл. IV, 4 v.

⁶⁹ Там же, № 2092—2100; 2141; 2145; 2147.

⁷⁰ Там же, стр. 84.

⁷¹ Там же, № 129, 128.

⁷² W. A. Fairervis, *Excavations in the Quetta Valley*, N. Y., 1956, стр. 328—329.

Нам осталось подвести итоги предложенному анализу. Откуда появились знаки, процарапанные на туловище южнотуркменистанских статуэток, и каково их возможное значение? Есть все основания считать, что процесс их формирования носил сложный характер. Так, знаки четвертой — шестой групп не только встречаются в символике энеолитической расписной посуды южнотуркменистанских племен поры энеолита и ранней бронзы, но в ту же эпоху иногда помещались и на торсе женских статуэток. Скорее всего в данном случае мы имеем дело с шластом глубинных местных традиций. Другое дело треугольник с ресничками, восьмилучевая звезда и символы третьей группы. Они пока не находят полных местных аналогий и вместе с тем обнаруживают

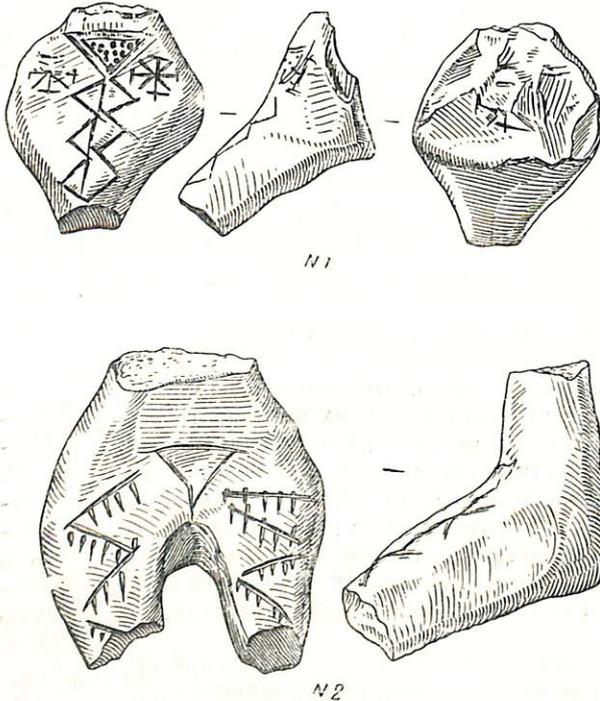

Рис. 7. Статуэтки со знаками времени Намазга IV. № 1 — с поверхности Алтын-депе, № 2 — из раскопа Улуг-депе

незаметные, наспех процарапанные знаки оказываются важнейшим источником для изучения идеологии древнего человека, его религиозных представлений и внутреннего духовного мира.

Остается рассмотреть вопрос о возможном значении наших знаков. Они могут быть либо гербами-тамгами общин, использовавших эти идолички, либо символами тех божеств, образы которых воспроизводили глиняные фигурки. Наличие сходных групп знаков на ряде удаленных друг от друга памятниках — Алтын-депе, Хапуз-депе, Тойгонак-депе, Улуг-депе — как будто свидетельствует против первого предположения. Вместе с тем в пользу второй гипотезы свидетельствует тот факт, что при наличии общего исходного иконографического типа наши статуэтки, сгруппированные по нанесенным на них символам, отличаются друг от друга рядом деталей. Так, фигурки, несущие знак «треугольник с ресничками», как правило, имеют на спине толстую наклонную косу, спускающуюся до талии. Вполне вероятно, что знаки и символы

поразительные параллели в протоэламской письменности. Эламское воздействие, связи с Эламом и прилегающими к нему областями отмечаются в Южном Туркменистане еще в пору энеолита. Как мы видели, материалы Суз свидетельствуют о том, что протоэламская письменность доживает по крайней мере до XXIII в. до н. э., а находки протоэламских хозяйственных табличек на теле Сялк показывают, то это письмо проникло и в области Центрального Ирана⁷³. Все это свидетельствует о реальных географических и хронологических возможностях влияния протоэламского письма на символику южнотуркменистанских статуэток.

Проведенный анализ в ряде случаев позволяет с известной долей уверенности ставить вопрос и о смысловом значении отдельных знаков. Скорее всего они являются символами тех божеств, образы которых воплощают глиняные идолички. Всестороннее рассмотрение этих фигурок подтверждает подобное заключение.

Невзрачные и на первый взгляд

⁷³ R. G i r s h m a n, Fouilles de Sialk, I, P., 1938, стр. 65—68.

отображают то конкретное разнообразие женских божеств, которое хорошо известно по примеру шумерского пантеона. В таком случае наши фигурки со знаками четвертой группы условно могут являться персонафикацией местного божества растительности или зерна наподобие шумерской Нисабы-Нидабы⁷⁴, фигурки со знаком зигзага — воплощением образа божества водной стихии, напоминающая в этом отношении шумерскую Нанше⁷⁵. Наконец, символ звезды, возможно, указывает на богиню неба вроде госпожи небес Инанны, чей образ, возможно, в данном случае оказал влияние на пантеон Южного Туркменистана, где, как мы отмечали, убедительные истоки подобной символики пока отсутствуют. Разумеется, эти вопросы требуют дальнейшего специального рассмотрения на основе полного анализа всех сохранившихся терракот.

Вместе с тем на основании имеющихся материалов было бы преждевременно говорить о существовании в Южном Туркменистане эпохи бронзы какой-либо системы письма. Отдельные даже строго кодифицированные культовые символы такой системы еще не являются, хотя не исключено, что они отражают какой-то процесс сложения местной письменности, испытывающей переднеазиатские влияния. Следует надеяться, что новые находки будут способствовать решению этого интереснейшего вопроса. В известной мере залогом таких находок является терракотовая плитка с Алтын-депе, на которой помещено шесть знаков.

При продолжении работ на южнотуркменистанских памятниках эпохи бронзы в 1967 г. были обнаружены статуэтки со знаками (рис. 6). При этом находки двух статуэток (на Алтын-депе и Улуг-депе) типа позднего Намазга IV показывают, что уже в это время на фигурках появляются процарапанные знаки первой и второй группы (рис. 7). Таким образом, генезис системы знаков на статуэтках восходит по крайней мере ко времени ранней бронзы. Расширилась и территория, на которой были обнаружены в слоях Намазга V статуэтки со знаками — они были встречены на поселении Улуг-депе у Душака и Тойганак-депе у Артыка. Территориальный учет статуэток со знаками на Алтын-депе показал, что одинаковые символы были распространены на самых различных участках поселения.

В. М. Массон, В. И. Сарияниди

THE SIGNS INSCRIBED ON CENTRAL ASIATIC BRONZE AGE STATUETTES

by V. M. Masson, V. I. Sarianidi

In recent years excavations in South Turkmenistan of sites from the Namazg V period (beginning of the second millennium B. C.) have turned up about sixty female terracotta statuettes with signs scratched on the back and shoulders. The signs may be divided roughly into six groups, within which there are some variations. Another very interesting find was a piece of a terracotta slab inscribed with various different signs. Some of the signs may be compared with the symbols found in the decoration of South Turkmenian pottery of the fourth and third millenniums B. C. Some have analogies in the pictographic script of Sumer and especially of Elam. The same signs regularly repeat themselves on statuettes found on widely separated sites (large urban centres like Alyn-depe and Ulug-depe, small settlements like Khapuz-depe, Toichanak-depe). They may be symbols of some local groups or, which the author considers more likely, they may be connected with the personification of various female divinities («sky spirit», «vegetation spirit», etc.). Signs are also found on three statuettes from strata of the Namazg IV period (second half of the third millennium B. C.). New finds will perhaps make it possible to speak of the first beginnings in Bronze Age South Turkmenistan of a pictographic writing connected with the local proto-urban civilisation.

⁷⁴ E. D h o r m e, *Les religions de Babylonie et d'Assyrie*, *Mana*, II, p., 1949, стр. 121—122; W. G. L a m b e r t, *Babylonian Wisdom Literature*, Oxf., 1960, стр. 168.

⁷⁵ D h o r m e, *ук. соч.*, стр. 114. Эта связь Нанше с водной стихией особенно ярко выступает в специальном гимне, посвященном этой богине, см. M. L a m b e r t, *La littérature sumérienne à propos d'ovurages récents*, «*Revue d'Assyriologie*», 55, 1961, стр. 193.